

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Андрей Чернов

Литературовед, критик, публицист. Родился в Луганске в 1983 году. Автор книг очерков «Притяжение Донбасса» (2016) и «Донбасский код» (2019). Публиковался в изданиях АНР, России, Украины, Сербии, Молдовы. Живёт и работает в Луганске.

ПОКОЙ ОСТРОЙ МОГИЛЫ

Острая Могила... Затянулась старая рана, поросла травами. Над полем брани, напоенным кровью тысяч сынов России, «присыпанным русским золотом», стоит тишь. Изредка шум доносится с автострады, которой и не видно за рукотворным лесом.

Умытый майскими грозами возвышается обелиск – в честь столетней давности битвы за Луганск. Восхицательным знаком воздвигнут – напоминать потомкам о героической обороне 1919 года города-грузеника, интеллектуальной столицы Донбасса.

Потомки... Потом-ки. А что стало потом? Уже на сто лет отдалась от нас та горячая пора, когда у господствующей высоты, у порога Луганска схлестнулись в упорной схватке большевики и белогвардейцы, красные и белые. Ярлыки, конечно. Схлестнулись русские с русскими. Помните в песне группы «Любэ»:

Дед, а за что воевали,
Что не сиделось в хатах?
Эти чтоб не было бедных,
Те чтоб не стало богатых.

Русские рубят русских,
Русские рубят русских.

Белые рубят красных,
Красные рубят белых –
Солнце восходит ясно,
Много черешен спелых.

И так же всходило солнце над всхолмленной равниной, темнота скрывалась во влажных оврагах. И брат шел на брата, убивал его без жалости и сожаления. Горькими слезами заливались не неизвестные нам женщины – наши матери и сестры. Наши. И мои – также. По материнской линии я из вергунской, когда-то многочисленной рабочей династии Львовых. И на плитах мемориала Борцам Революции в старом центре Луганска можно найти эту фамилию, среди многих сотен других. Тех, кто погиб тогда, обороняя родной дом, родной Луганск. А ведь сколько осталось там, в неизвестности? Кому не вернули имя – красному ли, белому ли. Русскому. Соотечественнику. Моему и твоему брату.

В советское время пафосно и торжественно декларировали о тех днях, когда в конце апреля затяжные бои у Луганска приобрели крайнюю степень остервенения. «Героическая оборона», «все как один», «в одном порыве»...

И как-то за этими денатурированными, без вкуса и цвета, фразами терялась сама жизнь, её правда и сущность. Шло время, проходили десятилетия. И растиражированные фразы вытеснили воздух правды.

Сейчас, когда спросишь: как тогда было? И не сразу получишь ответ. Многие говорят о живой цепочке из людей – от ворот патронного завода до кургана Острая Могила, по которой передавались в окопы патроны. Так ли это было?

У самого кургана, оставленного нам из времён скифов, а может быть, даже упрямо хранящих ответы на загадки истории киммерийцев, стояли артиллерийские батареи белогвардейцев. Отсюда они вели огонь по Луганску. Это была тыл позиций белогвардейцев, господствующая высота была за ними.

Позиции красных войск – 15-й Инзенской дивизии (впоследствии – Сивашской) были у самых окраин Луганска, за Гусиновкой. За Гусиновским кладбищем (сейчас на этом месте – парк Памяти возле Республиканской библиотеки им. Максима Горького) возвышался Фирсанов бугор, здесь стояли пушки защитников Луганска, они вели огонь по позициям у Острой Могилы. Окопы, блиндажи, укрытия растянулись далеко на восток – от Гусиновки в сторону Иванищева яра и за него, почти до самой Малой Вергунки, в которой размещался госпиталь и библиотека Инзенской дивизии (на этом

месте сейчас площадь Обороны). В Вергунке также стояла артиллерия красных частей.

«На Фирсановом бугре в те дни рабочие установили трёхдюймовые пушки и обстреливали позиции белых, день и ночь не давая покоя врагу. Здесь находился штаб нашего рабочего полка во главе с опытным революционером, стойким большевиком простым рабочим Фёдором Ивановичем Холодилиным. Отсюда тянулся живой людской конвейер, по которому доставлялись к передовой линии обороны боеприпасы, материалы, провиант», – вспоминал участник обороны Николай Макаров.

Били пушки, тяжело ухали в степи. Со свистом смерть уносилась вдаль. Она и сейчас обжигает наше лицо – сквозь столетие. Сквозь время осколки рвут нашу душу. Так было в 1919 году, в 1942-43 годах, так было летом 2014-го. Гибли не чужие нам люди – наши земляки, родные, близкие. Соотечественники.

В начале 20-х чисел апреля 1919 года кавалерия белогвардейцев совершила дерзкий налёт, опрокинув красные войска у Иванищева яра. Белым казакам удалось ворваться в город, от Иванищева яра, устье которого было ниже старой тюрьмы, они через Гусиновку дошли до центра города – на улицы Петроградскую (сейчас – Ленина), Казанскую (сейчас – Карла Маркса), Пушкина. На своём пути рубили нещадно всех.

Но атака была отбита. Белые отошли, в Луганске началось бурное волнение. Жители города были возмущены неспособностью красноармейцев защитить Луганск. Возникает идея сформировать ополчение – Луганский рабочий полк. Многие рабочие луганских заводов вошли в ряды ополчения. На одной из главных площадей города – Соборной (сейчас – Красная площадь) состоялась запись добровольцев. Вооружение получили на железнодорожной станции Луганска.

«26 апреля организованной колонной мы направились к линии обороны, заняли боевую позицию в Сучьей балке, правее Острой Могилы. Признаюсь, сначала мне, бывшему фронтовику, было странно смотреть на нашу оборону. Вправо и влево, сколько видел глаз, окапывались в плохоньких промасленных одежонках рабочие, многие из которых наверняка никогда в руках не держали оружия...», – отметил в воспоминаниях Николай Макаров.

И ещё примета: на оборону родного города поднялись мужчины, женщины, старики, дети. Листая мемуары очевидцев, то и дело наталкиваешься на эти примеры отваги людей. Их можно понять. Они уже почти два года жили в условиях войны. Пережили и оккупацию немецкими войсками, с которыми в скоромошнических нарядах пришли потешные «украинские самостийныки» гетьмана Скоропадского. Видели и махновщину, и «зеленую вольницу» откровенных бандитов. Но Луганск всегда был верен Москве.

...А белые войска рвались к Луганску, лакомому куску, обещавшему им отдых, оружие, боеприпасы. Луганский патронный завод – крупнейший на Юге Российской Империи, за него бились не щадя сил.

В советских изданиях не любили писать о том, как обстояло дело с организацией обороны Луганска. За однотипными фразами прятали огрехи, очевидно неприятные факты. В изданных в Луганске книгах они и вовсе не попадались, хотя рассказы «о том, как было», конечно же, передавались устно среди старожиллов города на Лугани. Отдельные правдивые факты о тех событиях выходили в Москве. Так, в столице СССР увидела свет книга старого чекиста Ивана Вонифатьевича Крылова «Записки красногвардейца» (1968). В ней есть главы, посвященные обороне Луганска. Многое, о чём пишет старый заслуженный чекист – крайне нелицеприятно, не согласуется с отлакированной «действительностью» партийной «истории обороны Луганска». Приведённые Крыловым факты прольют свет на то, что было тогда в осаждённом городе.

«В половине апреля я получил задание организовать отделение Особого отдела 8-й армии при 15-й Инзенской (впоследствии Сивашской) дивизии. За такими отделениями вскоре укрепилось название «Особый отдел дивизии». Со мной прибыло три работника Особого отдела армии: Осипов – будущий начальник Особого отдела дивизии, Егоров – руководитель оперативной и Мамонтов – руководитель разведывательной служб», – вспоминает чекист.

Прибывшие в Луганск чекисты остановились на улице Пушкина и занялись организационной работой, создавая разведку и контрразведку дивизии. Но в скором времени они стали очевидцами прорыва белоказаков.

«Однажды ранним утром мы были разбужены сильным шумом на улице. Выбежав на балкон, выходящий на Пушкинскую улицу, мы увидели такую картину. Вся улица была забита армейскими повозками и бегущими красноармейцами. Около нашего дома поток бегущих раздваивался: один продолжал свой бег дальше по Пушкинской, другой сворачивал в направлении к вокзалу. Конные казаки направо и налево рубили шашками бегущих красноармейцев и повозочных. Было ясно, что в город ворвались казаки», – подробно пишет Иван Крылов.

Именно после этого происшествия горожане и солдаты устроили митинг на Соборной площади, на котором было принято решение создать ополчение для отражения атак казачков.

«Прямо с площади тысячная толпа рабочих двинулась на станцию Луганск, где стояло несколько вагонов с винтовками, снарядами и патронами. Начальник армейской артиллерийской летучки отказался выдать рабочим винтовки и патроны, требуя на то приказ начальника дивизии», – описывает события Крылов.

Можно понять опасения хозяйственника, который боялся потерять оружие, предназначавшееся армейским частям. Но очевидно, что бюрократическая волокита могла загасить пыл людей, решивших встать на защиту родного города. В этой ситуации проявил инициативу Крылов: «Дело принимало дурной оборот: затеянная начальником артлетучки волокита могла погасить энтузиазм рабочих и погубить дело обороны Луганска. Недолго думая, я предложил начальнику артлетучки выдать рабочим винтовки и патроны под мою ответственность и отдал ему в залог своё удостоверение личности».

Так было спасено воодушевление народа. Так был спасён Луганск. Прибывшие на позиции подразделения выявили печальную картину.

«У железнодорожной насыпи мы обнаружили сосредоточенный уже там полк. Бойцы, прикрытые железнодорожной насыпью, чувствовали себя как на отдыхе: лежали, курили, громко смеялись, ругались, резались в карты, выставляя на кон из карманов пухлые пачки керенок... Разложение полка и его полная небоеспособность были налицо...», – пишет беспристрастный чекист.

Так пишет о тех событиях Иван Вонифатьевич Крылов – спокойно и беспристрастно, кажется скупой, но за этой лапидарностью – удивительно кинематографическая точность, будто сам находишься и видишь всё своими глазами. Такова сила правды очевидца.

Сейчас мало кто в Луганске помнит имя этого чекиста. Хотя должны помнить и чтить. Ведь он – участник не только тех судьбоносных событий. Имя Ивана Вонифатьевича Крылова возникает и в биографии нашего земляка – поэта Ивана Приблудного. Именно Крылов спас юношу от расстрела, когда его привели красноармейцы, приняв за лазутчика петлюровцев. Он оберегал его в годы службы в подразделениях Виталия Примакова. И именно Иван Крылов оказывал моральную поддержку вдове Приблудного, помогал ей в реабилитации мужа, возвращении ему доброго имени.

Но вернёмся в Луганск 1919-го. Ситуацию исправили с беспощадностью того времени. Но куда важнее было сохранение воодушевления луганских рабочих, которые смогли не только наладить оборону, но и перейти к контрнаступлению. Белогвардейские части, которые испытывали значительные проблемы с поставками боеприпасов, были отброшены от города на несколько десятков вёрст.

Победа была на стороне луганчан. Однако человеческие ресурсы были подорваны. Белогвардейские подразделения, перегруппировавшись, уже через несколько дней, в начале мая, почти без сопротивления заняли обессиленный Луганск. Здесь белогвардейцы опозорили себя тем, что публично оскверняли тела погибших красноармейцев и коммунистов. Для ясности я уберу ярлыки: зашедшие в Луганск солдаты глумились над телами погибших луганчан. Большого для настроения горожан против себя – сложно придумать. «Русские рубили русских».

Впрочем, уже к середине мая город опять переходит в руки красных. Опять кровь, опять погибшие.

В советское время Острая Могила была одной из святынь города. Память о погибших берегли. Но прошли десятилетия и мемориальный комплекс стал приходить в упадок.

Столетие обороны Луганска осталось практически незамеченным властями молодой республики. Лишь провели сомнительное шоу с инсценировкой боя на Острой Могиле. Новость об этом событии, мягко говоря, совершенно не разошлась.

...А майские грозы всё также льют свои ливни над Острой Могилкой. В тёмном небе, лабрадоритово черном, сверкают тяжелые проблески. Шумит рукотворный лес, не видно и следов заросших, затянувшихся травой старых окопов. Где-то там, наверное, ещё лежат кости наших соотечественников. За кого они гибли? За царя? За Ленина? Сгинули символы, потускнели идеи. Осталась только раскинувшаяся бескрайне Россия, её леса и степи, горы и равнины. Остались мы, их потомки, перенявшие их удачу и отчаяние. И, надеюсь, не утратившие своей памяти. Не ставшие людьми с чёрствым сердцем.

Возвышается на Острой Могиле обелиск – бетонным восклицательным знаком – в нашем прошлом, настоящем, будущем. Над картиной запустения и роскошью южной природы. А над обелиском – в грозном небе то ли зигзагами, то ли знаками вопроса сверкают молнии.

2019-2022